

ДИСГАРМОНИЧНОСТЬ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ КАК ФАКТОР РИСКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА КАРАБАНОВА,

заведующая кафедрой возрастной психологии факультета психологии

Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор, доктор психологических наук

E-mail: okarabanova@mail.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Девиантное поведение подростков рассмотрено как проявление нарушений социализации. Обсуждается роль семьи в генезисе автономии личности и девиантного поведения в подростковом возрасте. Выявлена связь психологических особенностей восприятия подростками детско-родительских отношений и самооценки подростка; исследована возрастная динамика и гендерные особенности восприятия подростками родительской позиции.

Ключевые слова: девиантное поведение, подростковый возраст, детско-родительские отношения, социализация, самооценка, автономия.

Annotation. Deviant behavior of adolescents is considered as a manifestation of disorders of socialization. The role of the family in the genesis of individual autonomy and deviant behavior in adolescence is discussed. The relation between the psychological characteristics of adolescent perception of parent-child relationships and self-esteem of adolescents is cleared; age dynamics and gender characteristics of teenager's perception of the parental position are explored.

Keywords: deviant behavior, adolescence, parent-child relationships, socialization, self-esteem, autonomy.

В развитии детства в истории общества можно выделить периоды стабильности и кризисы. Стабильные периоды характеризуются высокой эффективностью институтов социализации и воспитания ребенка; кризисы детства, напротив, — «сбоями» сложившейся системы социализации и воспитания детей. Сегодня нет никаких сомнений в том, что детство как раз переживает такой кризисный период своего развития. Свидетельством этому является рост подростковых правонарушений, игровой, алкогольной, наркотической, эмоциональной зависимости подростков, усиление явления эскапизма — бегства из реальности в виртуальный мир¹. Рост социальной неопределенности, процессы глобализации, фундаментальность социально-экономических изменений, становление информационного общества, новые виды ИКТ, порождают новую социальную ситуацию развития ребенка и риски развития детства.

Традиционно, подростковый возраст рассматривается как «трудный», кризисный, как возраст «бури и натиска», самопознания и самоопределения, поиска ответов на вопросы «кем быть и каким быть», возраст обретения социальной и личностной идентичности². И как кризисный возраст подростковый возраст ока-

зывается особенно чувствительным к происходящим социальным изменениям, что находит отражение в росте агрессии, суицидов, противоправном поведении, зависимостей. Усугубляет ситуацию нарастание кризиса семьи как первичного института социализации ребенка. Рост разводов, неполных семей, обеднение общения, трудности детско-родительских отношений, отвержение, дефицит родительской любви, отсутствие взаимопонимания и поддержки в семье, утрата базового чувства безопасности и доверия к миру — значимые факторы роста девиантного поведения в детской и подростковой среде, нарушений социализации и личностного развития³.

Понятие социализации может быть раскрыто в разных значениях: как раскрытие изначальной сущно-

¹ Собкин В.С., Адамчук Д.В. Алкоголизация подростковой среды: возрастная динамика, гендерная специфика и кросскультурные особенности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 3. С. 219—225.

² Эрикссон Э. Идентичность. Юность и кризис. М., 1996; Реан А.А. Психология личности: Социализация, поведение, общение. М.-СПб., 2004.

³ Карabanова О.А. Психология семьи и основы семейного консультирования // Национальный психологический журнал. 2010. № 1 (3). С. 12—16.

сти человека в обществе (экстериоризация), как приобретение сущности в социуме, как адаптация (сопряжение сущностного и общественного), как интериоризация (перенос социального в индивидуальное сознание личности). Социализация выступает в трех основных формах: 1) как переход в процессе психического развития ребенка от одной формы социальности к другой форме социальности; 2) как динамика форм сотрудничества ребенка с окружающими людьми, как процесс вхождения ребенка в новые социальные группы вследствие изменения социальной ситуации развития; 3) как генезис и развитие способности ребенка к социально-нормативной саморегуляции на основе системы конвенциональных и моральных норм. Здесь социализация связывается со способностью личности строить свое поведение и деятельность на основе социально-заданной системы норм, правил и эталонов. Параметром социализации становится шкала произвольности/произвольности (опосредствованность). Основные институты социализации в современном российском обществе — семья, школа, СМИ, конфессиональные институты, группы сверстников.

Социализация как трансляция социальных ценностей оказывается достаточно эффективной в условиях стабильности и устойчивости общества. Главным психологическим следствием социальной нестабильности является неопределенность ситуации, что порождает обострение социальной потребности как в резкой индивидуализации, так и в объединении и конгломерации — объединении людей в группы (например, политические партии). В то же время, по Э. Эриксону юношеский возраст — это период идеологического выбора — самоопределения в области политики и религии, что делает подростковый возраст особенно уязвимым к социальным трансформациям. В периоды социальных кризисов и трансформирования и размывания ценностно-нормативной системы социальных отношений прежние формы социализации оказываются несостоятельными, происходит «сбой» в действии прежних социальных институтов, порождая десоциализацию и девиантное поведение⁴. Нередко причиной десоциализации становится социальная дезориентация — психологический синдром, складывающийся еще в дошкольном и младшем школьном возрасте, находящий проявление в асоциальном поведении, причиной которого служит не владение социальными нормами, а не их сознательное нарушение.

Социокультурная природа девиантного отклоняющегося поведения обуславливает его понимание как поведения, которое не соответствует общепринятым или официально установленным социальным нормам, вызывает негативную оценку общества⁵. Девиантное поведение (антидисциплинарное, асоциальное) представляет собой нарушение соответствующих возрасту социальных норм и правил поведения, характерных для семейных и школьных отношений и малых половозрастных социальных групп. Типичными примерами девиантного поведения являются систематическое самовольное уклонение от учебы, уходы из дома и бродяжничество, аддиктивное поведение (зависимость от психоактивных веществ, алкоголизация), ранняя сексуальная жизнь, аутоагрессивное поведение (в том числе суициды). Ранняя сексуальная жизнь находит отражение в снижении возраста сексуального дебюта на фоне либерализации взглядов общества на половое воспитание детей, изменении ситуации «двойного стандарта» сексуальной жизни для юношей и девушек, росте числа абортоспособных несовершеннолетних и явления подросткового материнства. Девиантное поведение является показателем сбоев процесса социализации. Девиантное поведение представляет собой компенсаторное защитное поведение в форме протеста, ухода, реакций тревожности и неуверенности, эмансипации, группирования и пр., обусловленное социальной неуспешностью и нереализованностью притязаний на социальное признание в семье и школе. Девиантное поведение, стойко повторяющееся (многократное или длительное), согласующееся с асоциальной и антисоциальной направленностью личности наносит реальный ущерб самой личности и обществу⁶.

При определенной стабилизации и даже уменьшении удельного веса подростковой преступности, общее число преступлений, совершенных подростками растет. Неблагоприятными тенденциями являются возрастание удельного веса тяжких преступлений в общей структуре правонарушений подростков и количества групповых преступлений (их доля в общем

⁴ Реан А.А. Указ. соч. 2004.

⁵ Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения). М., 2003.

⁶ Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. М., 2005; Клейберг Ю.А. Социальная психология девиантного поведения. М., 2007; Самыгин П.С. Девиантное поведение молодежи. М., 2007.

числе правонарушений подростков составляет более 60%); «омоложение» преступности на фоне резкого возрастания правонарушителей в возрасте моложе 14—15 лет; рост числа правонарушений, совершаемых девушками, рост рецидивов, в значительной степени обусловленных невозможностью трудоустройства и социальной реабилитации ранее судимых подростков после освобождения. Факторы роста детской и подростковой преступности выступают на общесоциальном, социально-психологическом и психологическом уровне. Важнейшими криминогенными факторами являются общая дегуманизация общества; семейная дестабилизация и неэффективное выполнение семьей функции социализации; несогласованность и неадекватность всех социальных институтов, направленных на решение задач профилактики и предупреждения правонарушений (семья, педагогические коллективы, правоохранительные органы, молодежные объединения и пр.); отсутствие реальных перспектив получения подростками желаемого образования и профессии, обеспечивающий достойный образ жизни в условиях экономического спада общества; негативное влияние на формирование личности подростков антикультуры и субкультуры криминальных кругов и антисоциальных молодежных группировок, романтизация и идеализация криминального образа жизни; юридическая и социальная девальвация принципа неотвратимости наказания применительно к раскрытию преступлений; отсутствие четкой стратегии молодежной политики, детских, подростковых и юношеских общественных объединений и организаций, направленных на решение задач идеологического воспитания, обуславливающие трудности личностного самоопределения и формирования личностной идентичности.

Можно выделить следующие «группы риска» возникновения девиантного поведения применительно к детскому и подростковому возрасту: 1) подростки с трудностями преодоления негативной фазы подросткового возраста; 2) дети из дисгармоничных, асоциальных и неполных семей; 3) дети и подростки с хронической неуспешностью в школе и низким уровнем академических достижений; 4) дети и подростки с неудовлетворенной потребностью в социальном признании группами сверстников и в семье и депривацией потребности в аффилиации (изолированные, изгои, дети — жертвы школьного преследования и пр.).

Неблагоприятные тенденции развития семьи, ухудшение микросоциальной (семейной) среды, опре-

деляющей социальную ситуацию развития ребенка, дисгармоничность детско-родительских отношений являются значимым фактором риска формирования антисоциальной направленности во всех возрастных группах. Общее ухудшение психологической атмосферы и рост дисфункциональности и конфликтности в значительной части российских семей обусловлены социально-экономическими трудностями, нестабильностью социальной системы, низким материальным уровнем жизни, трудностями профессиональной занятости в большинстве регионов России, трансформацией традиционно сложившейся ролевой структуры семьи и распределения ролевых функций между супругами. Изменение демографической ситуации — падение рождаемости и, как следствие, увеличение удельного веса однодетных семей, приводит к трудностям личностного роста и недостаточной коммуникативной компетентности детей, воспитывающихся в таких семьях.

Неудовлетворительный уровень реализации отцом воспитательной функции констатируется в значительном числе российских семей. Наряду со все более активным включением отца в процесс воспитания еще на этапе раннего детства ребенка, оптимизацией системы эмоциональных отношений и расширением сфер сотрудничества и совместной деятельности ребенка с отцом, выражена тенденция дистанцирования отца от проблем воспитания, низкой эмоциональной вовлеченности и ориентации отца на родительство как значимый момент достижения психологической зрелости. В связи с миграцией населения в связи с трудоустройством и особенностями профессиональной деятельности наблюдается рост числа функционально неполных семей. Функционально неполная семья — нуклеарная семья, полная по формальному признаку, в которой один из супругов не может постоянно выполнять свои функции. Причины, препятствующие реализации супругом своих семейных ролей, могут быть различны: тяжелое или хроническое заболевание, специфика профессиональной деятельности, длительное отсутствие супруга. Функционально неполная семья также должна быть отнесена к группе риска, а психологическая помощь такой семье направлена на разумное планирование функциональных обязанностей и поиск путей гармоничного сочетания самореализации личности в профессиональной деятельности и в семье.

Дисгармоничность системы семейного воспитания (гипопротекция, жестокое обращение, эмоцио-

нальное отвержение, сокращение и обеднение общения родителей с ребенком) является достаточно распространенным симптомом дисфункции современной российской семьи. Применительно к подростковому возрасту дистанцирование ребенка от общения и взаимодействия с родителями нередко рассматривают как неминуемый «психологический уход» подростка из семьи — как условие освобождения от инфантильной связи с родителями и путь от зависимости к автономии. Так, в рамках психоаналитического подхода развитие автономии рассматривается как процесс перехода подростка от симбиоза с родителями к дифференциации и от зависимости к автономии в связи с развитием структур Эго (Х. Хартманн) и Супер-Эго (А. Фрейд, М. Малер, Д.В. Винникотт, Х. Когут и др.). Доминирует представление о том, что нормативный подростковый кризис и обретение автономии с неизбежностью предполагает сепарацию подростка от родителей через дистанцирование, отдаление конфликты. Однако, в современных исследованиях автономия рассматривается как процесс индивидуации, в котором развитие автономии происходит в детско-родительских отношениях как процесс отграничивания с сохранением привязанности и эмоциональной и психологической значимости отношений, с сохранением баланса между самостоятельностью и включенностью в отношения⁷. Перестройка детско-родительских отношений происходит от зависимости к взаимосвязанности, от комплементарности к симметричности. В культурно-историческом возрастно-психологическом подходе (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, А.В. Запорожец, М.И. Лисина и др.) развитие самостоятельности рассматривается в контексте развития произвольности, саморегуляции, субъектности и компетентности как формирование в совместной деятельности новых психологических способностей соответственно задачам развития возрастной стадии⁸. Потребность подростка в автономии находит свое выражение в стремлении эмансипироваться от контроля взрослых, выражаясь в стремлении подростка к неприкосновенности своего личного пространства, к свободе выбора стиля одежды, круга общения. При этом подросток по-прежнему сохраняет значимую потребность в заботе, любви и признании со стороны родителей. Инициатива в перестройке ДРО принадлежит, как правило, подростку. В зависимости от того, какую позицию займет родитель, могут быть три варианта поведения в ДРО:

♦ отклонение претензий подростка на автономию и самостоятельность, что порождает бунт, протест, сопротивление, конфликты;

♦ непоследовательное и непредсказуемое для подростка смягчение и ужесточение требований, которое приводит к противоборству и неустойчивости отношений;

♦ последовательное и адекватное возможностям и зоне ближайшего развития подростка изменение отношений в сторону равноправия и расширения прав и ответственности подростка⁹.

Компетентность родителя определяется мерой его инициативы в создании новой системы отношений. Прогнозирование и предвосхищение периода «бури и натиска» путем создания новых равноправных отношений обеспечивает благополучное разрешение важнейшей задачи развития подросткового возраста — освобождения от родительской опеки. При конфликтном становлении автономии подростка в детско-родительских отношениях резко возрастают риски девиантного поведения. Важной задачей профилактики десоциализации и девиаций в подростковом возрасте становится оптимизация системы воспитания и детско-родительских отношений с учетом задач развития и сложившихся тенденций в российской семье.

Целью нашего исследования стало изучение психологических особенностей восприятия подростками родительско-детских отношений и связи самооценки подростка с образом этих отношений «глазами подростка»; при этом мы использовали методику ADOR (Подростки о родителях), разработанную D. Shaffer (1965) и адаптированную в России Л.И. Вассерманом, И.А. Горьковой и Е.Е. Ромицыной (1994), и методику Дембо-Рубинштейн (в модификации А.М. Прихожан). В исследовании приняли участие 537 испытуемых в возрасте от 12 до 17 лет.

⁷ Younis J., Smollar J. Adolescent relations with mothers, fathers, and friends. University of Chicago Press, 1987; Steinberg L. The Vicissitudes of Autonomy in Early Adolescence. Child Development 57 (1986): 841—851; Steinberg L. Autonomy, conflict and harmony in the family relationship. In Feldman S. Sh., Elliott G. R., editors. At the threshold: the developing adolescent. Harvard University Press, 1990.

⁸ Бурменская Г.В. Становление автономии ребенка как проблема исследования и консультирования // Психологические проблемы современной российской семьи: Мат. Второй Всероссий. науч. конф. Ч. 1. М., 2005. С. 27—34.

⁹ Поскребышева Н.Н., Карабанова О.А. Развитие личностной автономии подростков в отношениях с родителями и сверстниками // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 2. С. 11—17.

Анализ результатов обнаружил, что восприятие родительской позиции матери и отца «глазами подростка» у значительной части подростков, принявших участие в исследовании, характеризуется рядом негативных черт: относительной враждебностью, подозрительностью, недостаточной помощью, заботой и поддержкой со стороны родителей, отстраненностью, большой межличностной дистанцией, непоследовательностью и противоречивостью поведения.

Возрастная динамика восприятия и переживания детско-родительских отношений подростками свидетельствует о том, что пик обострения приходится на возраст 14—15 лет, когда родители воспринимаются как более отвергающие, незаинтересованные, дистантные, отстраненные, при этом менее директивные, т.е. отказывающиеся от контроля поведения подростков и предоставляющие им излишнюю автономию без должной поддержки и сотрудничества.

Гендерные различия, касающиеся отношений с матерью и отцом, заключаются в том, что воспитательный стиль матери оценивается как более устойчивый, а отца — как все более непоследовательный, изменчивый со снижением принятия, интереса, директивности, оказания помощи. Принятие и любовь матери девушки оценивают выше, чем юноши, в то время, как директивность, враждебность и непоследовательность отца юноши оценивают выше, чем девушки (14—15 лет). Это позволяет заключить, что конфликтность подростков в отношениях с родителями наиболее выражена в диаде «отец — сын».

Анализ соотношения восприятия детско-родительских отношений подростками и родителями обнаружил значительное расхождение по ряду параметров. Подростки оценивают принятие, эмоциональную близость, сотрудничество ниже, чем родители; требовательность, строгость, уровень контроля выше, чем родители.

Итак, основные тенденции развития детско-родительских отношений в подростковом возрасте состоят в росте амбивалентности и эмоциональной холодности, отстраненности; переживании подростками «дефицита» родительской любви на фоне высокой потребности в принятии; росте гипопротекции; недоста-

точности реального сотрудничества, помощи, поддержки; росте активности подростков в развитии детско-родительских отношений.

Исследование особенностей восприятия подростками родительской позиции обнаружило прямую связь между некоторыми характеристиками образа родительской позиции у подростков и их самооценкой. Полученные результаты позволяют установить, что, во-первых, то, как подростки воспринимают родительскую позицию и отношение к ним, является значимым фактором, определяющим характер самооценки. Во-вторых, параметры родительской позиции имеют разную значимость для самооценки. Эмоциональное принятие родителями подростков (доброжелательность, интерес, амбивалентность, дистантность, враждебность) оказываются тесно связанными с самооценкой подростков. В то же время, такие параметры родительской позиции, как директивность и автономность, по нашим данным, не оказывают существенного влияния на самооценку подростков. В-третьих, установлено, что оба родителя — и мать, и отец, — являются равнозначимыми фигурами в определении характера самооценки подростка. И, наконец, в-четвертых, была обнаружена различная чувствительность самооценки по отношению к образу родительской позиции применительно к различным социальным контекстам (семейному, образовательному, в группах сверстников). Низкое эмоциональное принятие, амбивалентность или отвержение подростка хотя бы одним из родителей приводит к снижению самооценки подростков, причем наиболее чувствительными оказываются контексты общения и взаимодействия с близкими (родители) и социальными взрослыми (учителя).

Таким образом, формирование самооценки в подростковом возрасте определяется особенностями социальной ситуации развития, включая образ отношений подростка с его социальным окружением. Оптимизация и коррекция детско-родительских отношений, является существенным условием профилактики и коррекции нарушений развития Я-концепции и самооценки, что является существенным моментом профилактики девиантного поведения.